

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.97.42.002

Формирование принципов реализации защиты прав человека в демократическом государстве

Кулишенко Екатерина Алексеевна

Преподаватель кафедры административного и финансового права, специалист по учебной работе факультета повышения квалификации и переподготовки судей, государственных гражданских служащих судов и Судебного департамента (ФПК судей и госслужащих судов), Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85; e-mail: kiti_12_03@mail.ru

Аннотация

В основе развития любого правового государства лежит принцип приоритетности прав и свобод человека, признания их высокими ценностями, их гарантирования и надлежащего обеспечения. Идея прав человека прошла проверку временем. Права человека были лозунгом буржуазных революций, разрушив феодализм, и сыграли подобную роль в падении тоталитарных режимов и развале коммунистической системы (социалистического лагеря), в распаде СССР и создании на его территории целого ряда суверенных независимых, самостоятельных, демократических государств. Именно поэтому задачами ученых и практиков в области права, политологии, социологии, культурологии и педагогики являются, во-первых, всестороннее и детальное исследование этого социально-правового феномена и формулировка его глубокой научно обоснованной характеристики, во-вторых, формирование адекватного понимания каждым человеком своих прав и свобод, а также обучение методам и средствам их утверждения, защиты от любых нарушений и посягательств в первую очередь со стороны государства, отдельных членов общества и их группировок, в-третьих, создание таких политических, экономических, правовых и культурных условий жизнедеятельности общества и государства, в которых бы эти права и свободы могли быть в полной мере реализованы. Решение первой задачи прежде всего лежит в плоскости определения общей характеристики прав и свобод человека и гражданина.

Для цитирования в научных исследованиях

Кулишенко Е.А. Формирование принципов реализации защиты прав человека в демократическом государстве // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 2А. С. 14-23. DOI: 10.34670/AR.2021.97.42.002

Ключевые слова

Демократия, становление, права, свобода, государство, принцип.

Введение

Рассматривая права и свободы человека с точки зрения общего понимания права, нельзя согласиться с распространенным взглядом на эти понятия как на отдельную категорию теории права, тем более отрасль права, даже международного, поскольку «право» любого государства – это фактически всеохватывающая совокупность прав и свобод человека и гражданина, которая чаще всего, по крайней мере в европейской (романо-германской) правовой семье, выражается в системе правовых норм, регулирующих в первую очередь поведение каждого человека (в том числе и гражданина) в обществе, а также взаимоотношения общества и его государственных и самоуправляющихся органов управления каждым человеком и человеческими сообществами (профессиональными, этнокультурными, политическими объединениями).

В то же время государства, принадлежащие к англосаксонской правовой семье, исповедуя как основной способ регулирования таких отношений судебный прецедент (решение суда по конкретному делу), в большей степени полагаются не на всеобщие правовые нормы поведения человека, а на общепризнанные в обществе принципы человеческого сосуществования, основанные на морально-этических принципах: справедливости, разумности, баланса интересов, доверия, порядочности и ответственности [Белик, 2017].

Основная часть

Низкий уровень правовой культуры и правового сознания обусловлен несколькими факторами, среди которых следует назвать следующие: отсутствие правовой традиции в обществе, которое долгое время не имело своей государственности и собственного правового поля в европейском понимании этого явления. Ведь народы на территории России на протяжении многих веков жили или по нормам обычного права, которое, кстати, и до сих пор сохраняет свою роль в нашей жизни, или по праву Российской и Австро-Венгерской империй или уставам Речи Посполитой или Магдебургскому праву.

Такая смесь правовых норм в реальном и генетическом сознании народа фактически к 1992 году не имела своей политико-экономической и территориальной целостности, привела к тому, что целые поколения в течение многих лет и веков пытались приспособиться к различным правовым нормам, часто пренебрегая ими или же искажая их разными путями. Если же к этому добавить тот факт, что власть имущие в России во все времена и ныне сами не выполняли или же коварно искажали выполнение действующих правовых норм и при этом реально сплошь и рядом не отвечали ни перед собой, ни перед обществом за такие действия, то наличие названных проблем становится более обоснованным и понятным [Гаврилов, 1998].

Неудовлетворительный уровень внешнего воспитательного воздействия на каждого человека со стороны общества и методов самовоспитания при наличии у многих людей реального ощущения собственной чести и достоинства можно объяснить двумя причинами. С одной стороны, отсутствием современной общественной системы внешнего влияния на воспитание человека, направленного на развитие лучших человеческих качеств – чести и достоинства, поскольку советская система (детский сад, школа, вуз, трудовой коллектив, пионерская, комсомольская и партийная организации и тому подобное) уничтожена; религиозное воспитание не развито и во многом искажено и сведено лишь к соблюдению определенных церковных ритуалов без раскрытия сущности религиозной веры; нравственные и духовные ценности заменены материальными; доверие между человеком и властью потеряно.

Зато фактически не создано новой, современной системы такого воспитательного влияния [Козлова, Кутафин, 2015]. С другой стороны, воспитание этих самых человеческих добродетелей, к сожалению, не является приоритетом семейных отношений, поскольку основные усилия родителей объективно направлены на обеспечение лишь материального благополучия семьи. Если же к названным причинам добавить глобальные информационные процессы, экономические и природные катаклизмы, то вывод довольно неутешителен [Белик, 2017].

Современный этап права и создания государства в России может характеризоваться как трансформационный, связанный, с одной стороны, со стремлением проведения необходимых реформ, формированием гражданского общества, построением правового государства, а с другой – с необходимостью максимальной защиты прав и свобод человека в условиях преодоления кризисных явлений. Понятно, что среди многих факторов, которые влияют на эти процессы, не последнее место занимает такое юридическое явление, как роль права, его действия, действенность права в условиях преодоления кризисных явлений [там же].

Качество правового акта формулирует права человека – ахиллесова пята российского законодательства. Из наиболее принципиальных его недостатков в этой сфере можно указать на довольно частое игнорирование закономерности, что лишь отдельные отношения в сфере прав человека должны регулироваться нормами запретами, чуть больший процент должен выпадать на нормы обязательства, а остальные должны быть нормами разрешения. В России все делается наоборот: даже в тех сферах, где казалось бы государство должно быть заинтересовано в активизации деятельности граждан для роста экономического и иного благосостояния страны их инициатива блокируется нормами запрещающего или обязывающего характера, и, как результат, создана такая негибкая правовая конструкция, которая вместо поощрения развития желаемых отношений тормозит их утверждение благодаря тем же обязательствам и запретам.

Весьма разнообразными являются факторы негативного влияния на эффективность реализации прав человека и по другим группам критериев. Об уровне правовой культуры участников правотворческих и правоприменительных процессов можно сказать, что он далек от оптимального. Тут и пренебрежение законом, и злоупотребление им, и, что характерно для российских чиновников, незнание не только в общем российского законодательства, но и собственных прав.

За первые десять лет рассмотрения российских дел в Европейском суде по правам человека в сравнительном плане с делами из других стран Россия вышла фактически на первое место по количеству обращений от представителей политической элиты: депутатов России, лидеров политических партий, бывших министров и др. Но очень редко они правильно указывали на возбужденную в отношении них статью Конвенции, могли мотивировано изложить свое заявление. Чаще всего в решениях Европейского суда по правам человека указывались фамилии высших должностных лиц Российского государства в контексте причастности к нарушениям или непринятия мер по их предотвращению [Казьмин, 1986].

Об уровне правовой культуры и правового воспитания носителей прав человека и защитников этих прав может говорить такой красноречивый факт: почти 95% от всех обращений по нарушениям прав человека в России были признаны неприемлемыми. И здесь главной причиной можно назвать элементарное незнание положений Европейской конвенции по правам человека и основополагающих свобод [Казьмин, 1986].

Довольно низкой в России является эффективность механизмов контроля, реализации, охраны и защиты прав человека, даже на судебном уровне. Россия фактически вышла на первое

место в Европейском суде по правам человека по количеству дел по длительности расследования, судебного рассмотрения и неисполнения судебных решений в государстве [Венская декларация и Программа действий, www].

Правовые основы политики национальной безопасности в России достаточно четко определены на законодательном, нормативном и институциональном уровнях. Они отражены, в частности, в Конституции России, Федеральном законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (статья 18 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации») и ряде других законодательных и нормативных документов относительно принципов формирования и функционирования воинских формирований, правоохранительных органов и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по направлениям, которые касаются вопросов безопасности [Шахрай, www].

Такой широкий спектр задач не только отражает всеохватность понятия «национальная безопасность» в толковании его отечественным законодателем, но и является вполне закономерным в контексте переосмысления роли государства в современном общественно-политическом дискурсе, что произошло после Второй мировой войны. В соответствии с представлениями и принципами, заложенными в основу современного мирового порядка и реализованными, в частности, в Уставе ООН (1945), «Всеобщей декларации прав человека» (1948), Хартии европейской безопасности (1999), других общепризнанных международно-правовых нормах, современное государство является прежде всего гарантом безопасности и свободного развития своих граждан, выполняет ряд обязательств по поддержанию международной безопасности, мира, а также направляет свои усилия на противодействие глобальным угрозам и их предупреждение.

Включение России в мировое сообщество в качестве полноправного и ответственного субъекта, демократизация и либерализация политического устройства и общественной жизни привели к утверждению этих принципов и подходов в правовом поле и политической практике. На федеральном уровне трансформация подходов к задачам государства в сфере безопасности отражена, в частности, в отказе от унаследованного от советской эпохи обобщающего термина «государственная безопасность» в пользу более созвучного либеральной концепции государственности понятия «федеральная безопасность».

Принципы осуществления политики федеральной безопасности определены сегодня в нормативно-правовой плоскости. Однако политические отношения охватывают более широкую сферу взаимодействий между субъектами общественной жизни, чем нормированную соответствующими актами. К тому же политические реалии объективно развиваются и меняются быстрее, чем регулирующая их нормативно-правовая база. Поэтому вполне оправданным, по нашему мнению, является дополнение принципов, на которые должны опираться государство и гражданское общество по разработке и реализации политики национальной безопасности.

Учитывая признание национальной безопасности как важного и в определенной степени обобщающего критерия успешности государственной политики в отношении утверждения и защиты национальных интересов, является правильным выдвигать тезис об определяющей роли безопасности человека, государства и общества среди приоритетов общественного развития. «Концепция прогресса сегодня уступает место концепции безопасности», – считают ведущие отечественные специалисты в области безопасности [Копылов, 2005].

Это дает основания сформулировать принцип «безусловного примата безопасности»,

который толкуется авторами как необходимость привлечения критерия безопасности до всех аспектов «непрерывного эволюционного развития общества» [Некрасов, www; Шахрай, www; Копылов, 2005].

Поскольку политика безопасности представляет собой систему мер, функций и институтов, опирающихся на целостную и непротиворечивую систему знаний и выработанных на их основе решений, то вполне логично сформулирован для нее также «принцип системного подхода» [Некрасов, www].

В определенной степени инновационным, но очень полезным в контексте методологии решений безопасности является формулировка «принципа ненулевого (приемлемого) риска» [Гаврилов, 1998]. Сущность этого принципа отражает объективную невозможность избежать каких-либо рисков или гарантировать абсолютную безопасность в реальном времени и пространстве общественной жизни. Поэтому этот принцип требует от разработчиков решений безопасности, стратегий, программ определения того уровня риска, который является приемлемым для человека, общества и государства при данных конкретных условиях.

Ключевой для политики национальной безопасности является проблема определения угроз и вызовов национальной безопасности. От того, каким образом будет охарактеризовано в этом измерении то или иное явление, процесс или деятельность субъектов внешней и внутренней политики, зависит способ реагирования, противодействия, предубеждения их негативного влияния на различные сферы общественной жизни.

Понятие «государственная безопасность» используется в действующем тексте Конституции России в Федеральном законе «О безопасности», в котором речь идет о сфере ответственности военных формирований и правоохранительных органов государства [Бачило, 2020].

Во всех других случаях в Конституции речь идет о национальной безопасности и ее видах – экологической (ст. 16), экономической и информационной (ст. 17), а в базовом законе также упоминается о безопасности государственной границы и международной коллективной безопасности [там же].

Когда речь идет о системе национальной безопасности, то имеются в виду в основном уполномоченные для выполнения соответствующих функций органы государственной власти. Но политика безопасности имеет значительно более широкое предметное поле, и в ее реализации участвуют также другие общественные институты. В отечественной политологической литературе рассматриваются функции и возможности негосударственных структур как субъектов политики и общественной жизни в контексте их влияния на политику национальной безопасности [Жадан, 2020].

Не менее важной по разработке политики национальной безопасности, определения ее приоритетов и актуальной повестки дня имеет экспертная среда, которая включает представителей политической элиты, ученых соответствующих областей знаний, представителей независимых аналитических центров и тому подобное. В рамках этого сообщества происходит важный процесс сопоставления и взаимодействия подходов, сформированных на основе политических интересов отдельных групп и слоев общества, академических студий и экспертных оценок. Только такой синтез может дать в результате адекватные решения, которые будут иметь стратегическую перспективу и политическую легитимность [Гаврилов, 1998].

Особенностью дискурса национальной безопасности является то, что соответствующие понятия имеют нормативно-императивный статус в законодательстве и документах политики, а также являются теоретическими конструктами в плоскости академических студий.

Теоретико-методологические подходы к решению проблем национальной безопасности в России формировались как под влиянием мировых тенденций, так и с учетом характера российских политических, экономических, гуманитарных реалий. Понимание категории безопасности неотделимо от специфики осознания проблем и задач национального развития, что было засвидетельствовано уже первым законодательным документом, который придал понятию национальной безопасности ключевое значение в системе политических институтов и приоритетов государственной политики – законе США «О национальной безопасности» (1947).

Вся вторая половина XX века в мировой политике прошла под знаком борьбы каждого из ее субъектов за свою безопасность, в частности путем согласования критериев, принципов, механизмов внутри- и внешнеполитических действий. Естественно, что такое внимание к вопросам безопасности на политическом уровне побудило ученых и аналитиков к поиску наиболее адекватных концептуальных подходов к самому понятию безопасности и его проекций на разные аспекты политики.

Исследователи выделяют несколько этапов в эволюции понимания категории безопасности и ее политико-императивного содержания, каждый из которых породил собственную концепцию безопасности, плюрализм которых в современном мире сохраняется.

Сформулированный американским ученым Гансом Моргентау подход к безопасности как к принципу неприкосновенности территории и государственных институтов вытекает из общей парадигмы политического сознания, что получила в теории международных отношений название реализма. Долгое время этот подход был основным в политических документах и академических студиях по вопросам безопасности. Ключевое понятие реализма как политической теории и практики – понятие национальных интересов. Оно выделяет совокупность приоритетов, которые являются определяющими для каждой нации и на обеспечение которых направлена деятельность государства [Белик, 2017].

Реализм исходит из анализа соотношения интересов и сил, направленных на их обеспечение. При этом преимущество в силе автоматически повышает возможности по реализации национальных интересов, среди которых безопасность занимает центральное место. Скорректировать представление об определяющей роли силы в политике безопасности и международных отношениях, в частности, побудила ситуация «холодной войны», когда наращивание военного потенциала двух основных мировых потуг приводило не к росту их безопасности, а к усилению угрозы глобальной военной катастрофы. Осознание этого противоречия привело к формулировке категории «дилеммы безопасности», смысл которой сводится к необходимости учитывать общий эффект от усиления безопасности одного субъекта за счет другого. Ответом на дилемму безопасности стали концепция равновесия сил и утверждение категории стабильности как ведущей в сфере безопасности [Венская декларация и Программа действий, www].

Реалии послевоенного мира, в частности усиление роли международных организаций, прежде всего ООН, начало процесса европейской интеграции, противостояние военно-политических блоков и необходимость поиска компромиссов между ними привели к постепенной потере монополии национального государства на постановку и решение вопросов безопасности. Все в большей степени субъектами соответствующей политики являются государственные или межгосударственные акторы, которые опираются в своей деятельности и своем понимании приоритетов политики безопасности на понятия, находящиеся вне дискурса национальных интересов [там же].

Общепризнанными приоритетами становятся права человека, демократические ценности,

свобода слова и мысли. Признание этих приоритетов как основных ориентиров политики и мировоззренческого базиса для нахождения компромиссов и приемлемых решений ее субъектами определяет альтернативную реализму идеалистическую (либеральную) парадигму международной политики и соответствующие ей представления о безопасности.

Начиная с 60-х годов XX века в политических дебатах и академических студиях все большее внимание уделяется моральным аспектам политики, все в большей степени государственные ресурсы ведущих стран мира направляются не на усиление своих военных ресурсов, а на утверждение либеральных ценностей и гуманитарное участие во всем мире или отдельном регионе. Соответствующие программы ООН, влиятельных негосударственных институтов существенно изменили ландшафт современного мира, определили в нем новые правила и механизмы принятия решений. Такой подход к вопросам безопасности в современной политической науке определяется как плюралистический.

Необходимость учета социокультурных различий относительно толкования базовых ценностей мирового устройства, осознания плюрализма не только субъектов политики безопасности, но и их мотиваций и мировоззренческих приоритетов привела к оформлению парадигмы социального конструктивизма. Его основные положения заключаются в признании того, что либеральные ценности и соответствующая идентичность не являются данностью, а сконструированы в определенных исторических и культурных условиях [Жадан, 2020].

Следовательно, для их распространения недостаточно лишь декларирования принципов формальной легитимации в виде норм международного права и поддержке их соблюдения с помощью силовых ресурсов. Для того чтобы нормы безопасного, свободного и гуманного сожительства стали реальностью, необходима последовательная и целенаправленная деятельность по формированию соответствующих идентичностей и форм социальности во всем мире.

Такая деятельность вмещает существенный дискурсивный элемент, поскольку предполагает постоянную модификацию иерархии политических приоритетов. Связь определенной общественной проблемы (защиты прав человека, охраны окружающей среды, противодействия терроризму) с дискурсом безопасности в современном мире воспринимается как признак наивысшей угрозы, приобретения ею статуса экзистенциальной угрозы, что требует концентрации внимания и ресурсов с целью ее устранения. Изучение коммуникативно-дискурсивных практик, связанных с изменением приоритетов политики, предложено как новое направление исследований безопасности в рамках теории секьюритизации (securitization) [Копылов, 2005].

В современном мире происходит стремительная эволюция понятия национальной безопасности, что отходит от представления о необходимости обслуживать только интересы государства и подчеркивает необходимость сочетать в практической политике интересы личности, государства и общества [Степанов, 2020].

Общечеловеческие ценности, с одной стороны, являются противовесом посягательствам на права и свободы лица или группы в контексте реализации национальных интересов, требований идеологии или других форм интеллектуального, культурного или юридического принуждения, к которому прибегают общество и государство для обеспечения своих интересов. С другой стороны, гуманитарные приоритеты являются тем фактором, который сегодня существенно ограничивает возможности и средства реализации своих интересов отдельным государством как субъектом международных отношений.

Значение приобретают гуманитарные приоритеты в современной международной политике,

что позволяет некоторым исследователям говорить о формировании «международного режима гуманитарной безопасности» [Козлова, Кутафин, 2015]. Ведь обобщенно-декларативные международные документы в сфере защиты прав человека были впоследствии дополнены соглашениями и обязательствами, достаточно жестко определяющими механизмы соблюдения соответствующих положений, в том числе и силовыми методами.

Заключение

Подытоживая, следует отметить, что совершенствование механизмов реализации прав и свобод человека, действия и действительности права служит созданию надежных гарантированных возможностей по защите прав и свобод в условиях преодоления экономического, социального и духовного кризисов.

Исходя из того, что права и свободы человека принадлежат каждому индивиду, а права и свободы гражданина – только тем лицам, которые являются гражданами этого государства, которое обязано в первую очередь заботиться о своих гражданах, учитывая свои возможности, Конституция РФ провозгласила широкий круг прав и свобод граждан России.

Таким образом, можно сделать вывод, что Россия, как и любое другое государство, призвано быть гарантом защиты прав, свобод и законных интересов ее граждан, обеспечивать их надлежащую реализацию и незыблемость. Несмотря на то, что в России действует законодательство относительно регулирования вопросов в сфере прав человека, органы государственной власти, правоохранительные и другие органы не в полной мере обеспечивают надлежащую защиту прав человека, что непосредственно относится к их компетенции, а в некоторых случаях нарушают их своими неправомерными действиями.

Библиография

1. Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных государств. М., 2002. 224 с.
2. Бачило И.Л. Информационное право. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 419 с.
3. Белик В.Н. Европейский суд по правам человека: обзор материалов судебной практики в области реализации права на защиту осужденных // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 12-15.
4. Велиева Г.М. Защита свободы информации в практике Европейского суда по правам человека // Современное право. 2014. № 4. С. 159-164.
5. Венская декларация и Программа действий (принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25.06.1993). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml.
6. Гаврилов О.А. Информатизация правовой системы России. М.: Юридическая книга, 1998. 144 с.
7. Жадан В.Н. Об идее, понятии и конституционных основах правового государства в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 365-372.
8. Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М.: Юридическая литература, 1986. 192 с.
9. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 595 с.
10. Копылов В.А. Информационное право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 510 с.
11. Некрасов С.И. Конституционное право РФ. Понятие правового статуса личности. Система прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. URL: <https://be5.biz/pravo/k007/7.html>.
12. Степанов О.А. Противодействие кибертерроризму в цифровую эпоху. М.: Юрайт, 2020. 103 с.
13. Феоктистов А.В. Реализация конституционных прав в России. Социальные права // Наука. Общество. Государство. 2016. № 3 (15). Т. 4. С. 107-113.
14. Чиркин В.Е. Конституционное право в Российской Федерации. М.: Юрист, 2002. 480 с.
15. Шахрай С.М. Конституционное право РФ. Конституционные права, свободы и обязанности человека и гражданина. URL: <https://be5.biz/pravo/k042/6.html> <https://be5.biz/pravo/k042/6.html>.
16. Эбзеев Б.С. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации. М.: Юрист, 2000. 974 с.

Formation of principles for the implementation of human rights protection in a democratic state

Ekaterina A. Kulishenko

Lecturer at the Department of administrative and financial law,
Specialist in Educational Work of the Faculty of Advanced Training
and Retraining of Judges, Civil Servants of the Courts
and the Judicial Department FPC of Judges and Civil Servants of Courts),
North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice,
Postgraduate Student of the Department of constitutional and municipal law,
Belgorod State National Research University,
308015, 85, Pobedy str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: kiti_12_03@mail.ru

Abstract

The development of any legal state is based on the principle of priority of human rights and freedoms, recognition of them as high values, their guarantee and proper provision. The idea of human rights has passed the test of time. Human rights were the slogan of bourgeois revolutions, destroying feudalism, and played a similar role in the fall of totalitarian regimes and the collapse of the communist system (socialist camp), in the collapse of the USSR and the creation on its territory of a number of sovereign independent, independent, democratic states. That is why the tasks of scientists and practitioners in the field of law, political science, sociology, cultural studies and pedagogy are, firstly, a comprehensive and detailed study of this socio-legal phenomenon and the formulation of its deep scientifically grounded characteristics, and secondly, the formation of an adequate understanding by each person of their own rights and freedoms, as well as training in methods and means of their approval, protection from any violations and encroachments, primarily from the state, individual members of society and their groupings, thirdly, the creation of such political, economic, legal and cultural conditions for the life of society and states in which these rights and freedoms could be fully realized. The solution of the first task primarily lies in the plane of determining the general characteristics of human and civil rights and freedoms.

For citation

Kulishenko E.A. (2021) Formirovanie printsipov realizatsii zashchity prav cheloveka v demokraticheskom gosudarstve [Formation of principles for the implementation of human rights protection in a democratic state]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (2A), pp. 14-23. DOI: 10.34670/AR.2021.97.42.002

Keywords

Democracy, formation, rights, freedom, state, principle.

References

1. Alebastrova I.A. (2002) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutional law of foreign states]. Moscow.
 2. Bachilo I.L. (2020) *Informatsionnoe parvo* [Information law], 5th ed. Moscow: Yurait Publ.
 3. Belik V.N. (2017) *Evropeiskii sud po pravam cheloveka: obzor materialov sudebnoi praktiki v oblasti realizatsii prava*
-

- na zashchitu osuzhdennykh [European Court of Human Rights: review of judicial practice materials in the field of implementation of the right to protection of convicted persons]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 3, pp. 12-15.
4. Chirkin V.E. (2002) *Konstitutsionnoe pravo v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional law in the Russian Federation]. Moscow: Yurist Publ.
 5. Ebzeev B.S. (2000) *Kommentarii k postanovleniyam Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow: Yurist" Publ.
 6. Feoktistov A.V. (2016) Realizatsiya konstitutsionnykh prav v Rossii. Sotsial'nye prava [Implementation of constitutional rights in Russia. Social rights]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 3 (15), pp. 107-113.
 7. Gavrilov O.A. (1998) *Informatizatsiya pravovoi sistemy Rossii* [Informatization of the legal system of Russia]. Moscow: Yuridicheskaya kniga Publ.
 8. Kaz'min I.F. (1986) *Obshchie problemy prava v usloviyakh nauchno-tekhnicheskogo progressa* [General problems of law in the context of scientific and technological progress]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.
 9. Kopylov V.A. (2005) *Informatsionnoe parvo* [Information law], 2nd ed. Moscow: Yurist" Publ.
 10. Kozlova E.I., Kutafin O.E. (2015) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia], 5th ed. Moscow: Prospekt Publ.
 11. Nekrasov S.I. *Konstitutsionnoe pravo RF. Ponyatie pravovogo statusa lichnosti. Sistema prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation. The concept of the legal status of an individual. The system of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation]. Available at: <https://be5.biz/pravo/k007/7.html> [Accessed 18/03/2021].
 12. Shakhrai S.M. *Konstitutsionnoe pravo RF. Konstitutsionnye prava, svobody i obyazannosti cheloveka i grazhdanina* [Constitutional law of the Russian Federation. Constitutional rights, freedoms and duties of a person and a citizen]. Available at: <https://be5.biz/pravo/k042/6.html> <https://be5.biz/pravo/k042/6.html> [Accessed 17/03/2021].
 13. Stepanov O.A. (2020) *Protivodeistvie kiberterrorizmu v tsifrovuyu epokhu* [Countering cyber terrorism in the digital age]. Moscow: Yurait Publ.
 14. Velieva G.M. (2014) Zashchita svobody informatsii v praktike Evropeiskogo suda po pravam cheloveka [Protection of freedom of information in the practice of the European Court of Human Rights]. *Sovremennoe parvo* [Modern Law], 4, pp. 159-164.
 15. *Venskaya deklaratsiya i Programma deistvii (prinyata na Vsemirnoi konferentsii po pravam cheloveka, Vena, 25.06.1993)* [Vienna Declaration and Program of Action (adopted at the World Conference on Human Rights, Vienna, 25.06.1993)]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml [Accessed 13/03/2021].
 16. Zhadan V.N. (2020) Ob idee, ponyatii i konstitutsionnykh osnovakh pravovogo gosudarstva v Rossii [On the idea, concept and constitutional foundations of the rule of law in Russia]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 9-1 (30), pp. 365-372.